

Предновогодний Оливье

■ Вначале о грустном. Наше время — время брэндов. Это сказывается во всем: от раскупаемости простоквашки «Актимель» до посещаемости джазовых концертов. А поскольку брэндов джаза в понимании нашей публики раз два и обчелся, то из представителей жанра аншлаг в Иркутске могут гарантировать лишь Игорь Бутман, да, пожалуй, Элла Фитцджеральд и Луи Армстронг, спустись они с небес на грешную Землю.

К тому же, согласно устоявшимся определениям, «мы ленивы и нелюбопытны», и «что-то с памятью» у нас стало. Иначе, глядя на здоровенный рекламный щит на фасаде бывшей «Музкомедии», извещавший о выступлении Оливье Кер Урио и трио Андрея Кондакова, вспомнили бы местные поклонники джаза, что последний в новом столетии в наш город в среднем раз в два года и привозит проекты один любопытнее другого (согласитесь, рамки нашего джазового восприятия существенно расширились после концертов

Кондакова с Джей Ди Уолтером и Майлсом Гриффитом!). А зайдя в Internet, можно было бы без особого напряжения найти массу полезной информации и о загадочном французе. Но, видимо, и в данном случае сослагательное наклонение неуместно. Только этим я объясняю пятидесятипроцентное заполнение партера Музыкального театра на отчетном концерте.

Теперь — о главном. Хроматическая губная гармошка (харп) в качестве основного инструмента джазового ансамбля — явление крайне редкое и экзотическое. Как правило,

она пребывает даже не на задворках, а где-то глубоко в запасниках бэнда, выдвигаясь на передний план исполнения по большим праздникам и только благодаря специально приглашенным виртуозам вроде бельгийца Тутса Тилеманса, американца Ларри Эдлера и Стиви Вандера да сравнительно недавно побывавшего в Иркутске бразильца немецко-голландских кровей Хендрика Меркенса. Первая пятерка харпистов всех времен и народов будет определена однозначно, если добавить к этим титанам Оливье Кер Урио.

И в этом нет никакого преувеличения. На сцене Иркутского Музыкального французский гость с удивительным шармом, изобретательностью и блеском демонстрировал вedomые и, главное, доселе неведомые большинству собравшихся возможности любимого инструмента германских оккупантов из советских фильмов про войну. Что важно, в этой демонстрации не было и малейшего намека на околицерково-триокачество, в которое порой впадают даже большие мастера. Кер Урио относится, по всей видимости, к тем музыкантам, которые в большей степени любят и несут джаз в себе, нежели себя в джазе. Возможно, поэтому его гармоника была столь богата тембрами и многокрасочна звуковой палитре, непостижимым

Оливье Кер Урио

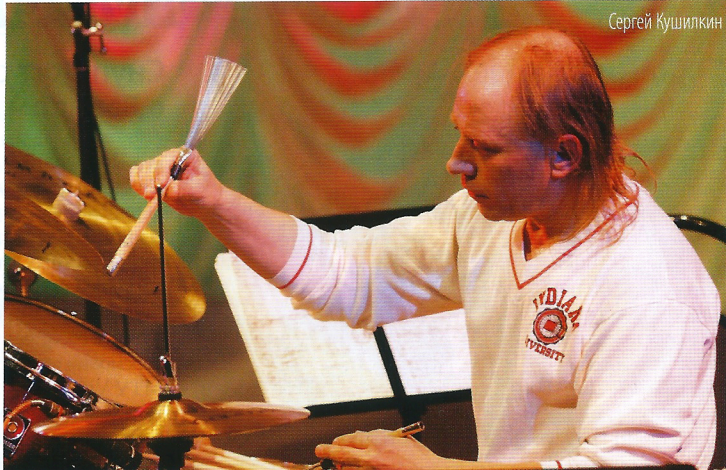

Дмитрий Аверченков

Андрей Кондаков

Сергей Кушилкин

образом напоминая то трубу Майлса Дэвиса в «In Your Own Sweet Way», то сопрано-сакс Уэйна Шортера в его гравитационной мелодии «Aung San Suu Kyi», то целый мавританский оркестр в собственной композиции Урио «Танец Живота».

Впрочем, здесь приложили свои руки другие участники памятного концерта — наши старые знакомцы и любимцы Андрей Кондаков, Дмитрий Аверченков и Сергей Кушилкин. Союз ведущих джазменов Иркутска, Н-ска и Питера, заключенный чуть ли не в день выступления, составил не только удивительно монолитную и слаженную в своем взаимодействии ритм-секцию, но и ансамбль солистов, каждый из которых имел и блестяще, а порой неожиданно для слушателей, реализовал предоставленные ему в этой части исполнительские возможности. Чего стоит рваное, прямо-таки хард-роковое соло контрабаса Аверченкова в той же шортеровской вещи, или, скажем, натуральный «drum'n'bass» Кушилкина в первых тактах кондаковских «Игрушек для Яны»! Что касается самого Кондакова, то, на мой взгляд, именно в этот свой приезд один из самых востребованных в мире джаза отечественных пианистов своего поколения раскрылся перед местной публикой во всем великолепии и многообразии талантов и умений. Его творчество зиждется на трех китах: глубоком знании всего сущего в джазе, выдающихся коммуникативных способностях и неподдельной страсти игры. С легкостью необыкновенной внутри одной темы Андрей может перейти от мягкой и чувственной «Джобимианы» к огненному средиземноморским

импровизациям в духе Чика Кория и закончить все эллингтоновским свингом или, скажем, contemporary на манер Боба Джеймса. И это не эклектика, а эстетика, господа!

Концерт продолжался почти два часа без перерыва. Чуть ли не впервые на моей памяти ни музыканты, ни публика не раскачивались, не «разводили пары», но включились в процесс сразу и с полной самоотдачей — от первых звуков вышеупомянутой брукеровской «In Your Own Sweet Way» до финальных тактов исполненной на бис «Bye-Bye, Blackbird». Но и после этого зал не отпустил квартет, а его участникам, похоже, очень не хотелось уходить со сцены, несмотря на то, что время торопило их на следующее выступление, запланированное на тот же вечер...

В заключение — о неожиданном. До сих пор отношусь с некоторой опаской к т.н. клубным концертам, которые проходят сразу же после

филармонических. Здесь обычно никто не вправе ничего требовать и гарантировать, как по части исполнения, так и по части восприятия: музыканты устали за предыдущие несколько часов, а публика — и вовсе за неделю работы. Все хотят есть и пить, и с успехом этим занимаются. А джаз — это уж как бог на душу положит, т.е. по остаточному принципу. На этот раз все получилось с точностью до наоборот. Кер Урио, Кондаков, Аверченков и Кушилкин с примкнувшим к ним Сергеем Рушковским выдали игру такого высокого полета, которая установила идеальные пропорции между захватывающим джазовым действием в духе «Le Jazz» и процессом вкушения яств и напитков от «Бирхауса». Так что теперь «я знаю точно — невозможное возможно». Хотя бы в рамках одного отдельно взятого джазового мероприятия!

ВВК

МУЗЫКА